

КРЯШЕНЫ ТАТАРСТАНА: РЕЛИГИЯ И ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

И.В. Севастьянов

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия
rushd-al@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимодействия религиозной и этнической идентичности у представителей двух этнографических групп кряшенской этноконфессиональной общности, а именно молькеевской (Кайбицкий р-н Республики Татарстан) и заказанской (Пестречинский р-н Республики Татарстан). В статье рассматриваются особенности исторического формирования двух названных этнографических групп и анализируется влияние этих особенностей на современную этническую идентичность и религиозное самосознание в их современной среде. Выводы статьи основаны в том числе на статистических данных анкетного опроса, проведенного автором в 2006 г. среди кряшенского населения указанных районов, а также на углубленных интервью и общих полевых наблюдениях. В работе показана специфика проявления этнической идентичности у кряшен рассматриваемых этнографических групп, различия во взаимодействии этнического и конфессионального у представителей каждой из них, взаимодействие с этническими соседями кряшен обоих районов. Делается попытка прогнозирования перспектив дальнейшего бытования этнокультурной идентичности кряшен РТ обеих рассматриваемых локальных групп, влияние на этот процесс общей ситуации в республике в сфере межэтнических и межнациональных отношений.

Ключевые слова: кряшены, татары, этническая идентичность, религиозное самосознание, православие, ислам

Вопрос об этническом самоопределении кряшен как народа в значительной степени связан с их конфессиональной принадлежностью, во многом определяющей их культурное своеобразие и отличительность на фоне татарской лингвистической общности Волго-Уральского региона. В этом отношении кряшены близки к таким этноконфессиональным группам, как, например, эстонцы-сету, болгары-помаки, боснийские мусульмане, хемшилы, аджарцы и некоторые другие сообщества сходного типа, так или иначе представленные на востоке Европы и в некоторых сопредельных регионах. Для всех подобных этнических (этноконфессиональных) сообществ так или иначе характерно «переходное» положение между разными культурно-историческими массивами. Это, в свою очередь, порождает немало споров об этническом («национальном») статусе названных сообществ,

---

Севастьянов Иван Владимирович – соискатель Института этнологии и антропологии РАН.

специфика которых определяется, прежде всего, их религиозной принадлежностью. Ярким примером тому служат кряшены, чье этническое самоопределение продолжает оспариваться гласно и негласно в самом Татарстане на официальном уровне: это особенно ярко проявилось во время всероссийской переписи населения 2002 г.

Между тем, новый оборот кряшенская проблема в Татарстане приняла после произошедших в декабре 2013 г. поджогов православных церквей (все эти церкви были из числа недавно восстановленных, и в них велись богослужения) в нескольких кряшенских селениях, расцененных республиканской прокуратурой как террористические акты¹. Практически никто не сомневается в причастности к этим поджогам радикальных исламистов, действующих на территории РТ уже не один год. В данном случае теракты в виде поджогов, направленные против ряда кряшенских приходов, можно рассматривать как прямую агрессию по отношению к Православной церкви как таковой. Так, раньше, в начале 2000-х гг., имели место протесты «Иттифака» и ТОЦ против строительства православной церкви в Набережных Челнах, попытки поджога, открывавшегося там кряшенского прихода; а со стороны части мусульманского духовенства раздавались призывы обратить кряшен «обратно в ислам»². Но при этом не отмечалось случаев прямого насилия или злостного вандализма на почве религиозной или национальной нетерпимости, а Татарстан приводился как пример мирного и толерантного сосуществования людей разных вер и национальностей. Между тем, именно радикальный исламизм в настоящее время может стать угрозой для мирного и спокойного существования кряшенских православных общин Татарстана и, более того, межрелигиозных отношений во всей республике.

На фоне подобного рода инцидентов (поджоги и попытки поджогов церквей) следует ожидать обострения чувства этнической и религиозной обособленности у кряшенского населения республики, в особенности, надо думать, у наиболее верующей его части. И это, в свою очередь, может способствовать усилению взаимного отчуждения православной и мусульманской общин внутри татарской языковой общности волго-уральского региона, что вряд ли можно считать благоприятной тенденцией. По этой причине актуальным будет изучение современной этнорелигиозной идентичности представителей кряшенского населения Татарстана и его взаимоотношений с иноэтничными соседями, традиционно исповедующими как ислам, так и православие.

Чтобы лучше понять локальные особенности проявления религиозной и этнической идентичности указанных этнографических групп молькеевской и заказанской, попытаемся представить общую картину их исторического формирования. Особо следует сказать, что большинство кряшен проживает на территории РТ. В некоторых соседних регионах есть районы их компактного расселения. Имеются кряшенские селения в Республике Удмуртия. Особую локально-этнографическую группу составляют кряшены Бакалинского района Республики Башкортостан. Заказанскую этнографическую группу кряшен (наиболее многочисленную) специалисты рассматривают как наиболее старую, начало ее формирования относят к

¹ Независимая газета 02.12.2013.

² Соколовский 2002, 62.

XVI в.³ Кроме того, существуют елабужская, чистопольская группы; к ним также нередко добавляют и мензелинскую группу (в ином случае мензелинских кряшен рассматривают как часть восточно-заказанских).

Во многом особняком здесь стоит молькеевская этнографическая группа кряшен, о специфике которой будет сказано ниже. Что касается кряшен, живущих на территории Пестречинского района, то их обычно относят к примешинской (от реки Меша) этнографической локальной подгруппе заказанских кряшен.

Современный этнокультурный ландшафт Пестречинского р-на (западное Заказанье) составляют мусульманско-татарский, кряшенский и русский компоненты. По словам местных старожилов-кряшен, никто из них «и не видел» здесь удмуртов или чувашей. Здесь издавна преобладало татарское население, мусульманское по большей части. К этому следует добавить, что особенности традиционной культуры кряшен Заказанья (соответственно и кряшен Пестречинского района) ныне воспринимаются в качестве эталона кряшенской народной традиции как таковой.

Своеобразие этнографической группы молькеевских кряшен связано, в том числе, и с историческими особенностями формирования этнической карты района их расселения. Территория нынешнего Кайбицкого р-на издавна была зоной активных межэтнических контактов предков современных татар и чувашей. В духовной и в материальной культуре молькеевских кряшен прослеживается значительное влияние соседних чувашей-анатри (группа *хирти*). В прошлом, по свидетельству источников, этноним «чуваш» употреблялся молькеевскими кряшенами как самоназвание⁴. Почти каждый местный житель может припомнить в своем роду чувашских предков. Кроме того, не исключено участие в формировании молькеевских кряшен и мишарского компонента⁵.

Здесь следует отметить, что, по-видимому, название «кряшены» в прошлом обычно не распространялось на группу молькеевских кряшен, которые соседнему татарско-мусульманскому населению были известны под именем «чувашей». В прошлом, как отмечает Д. Исхаков, часть предков молькеевских кряшен обозначались в качестве «новокрещеных татар», а другая их часть в качестве «новокрещеных чувашей»⁶. Таким образом, можно говорить, по крайней мере, о двух (чувашском и татарско-мусульманском) религиозно-этнических компонентах в истории формирования кряшен Кайбицкого района. Еще в недавнем прошлом (конец XIX в.) этноним «чуваши» бытовал среди молькеевских кряшен отчасти даже в качестве самоназвания. При этом подобное обозначение в отношении данной группы кряшен нередко употребляется татарами-мусульманами и поныне. Об этом неоднократно сообщали мне сами жители «крещено-татарских» деревень Кайбицкого района⁷. Кроме того, предки молькеевских кряшен относились к числу «новокрещеных инородцев», поскольку они приняли православие только в XVIII столетии.

³ Баязитова 1986, 5.

⁴ Износков 1893, 14.

⁵ Исхаков 1993, 12.

⁶ Исхаков 1993, 6.

⁷ ПМА 2005, РТ, Кайбицкий р-н, с. Молькеево.

В свою очередь, пестречинские кряшены, предки которых были из числа «старокрещеных татар», сохраняли многие языческие верования даже в XIX в. В то же время за относительно долгий период времени (XVI – начала XX в.) они успели воспринять многие христианские представления, которые стали органично вплестаться в их старые верования. Судя по всему, именно приверженность «старокрещеных» к своим исконным обычаям и традициям способствовала их постепенному усвоению православия и меньшей восприимчивости к мусульманскому влиянию со стороны своих мусульманских соседей⁸. Тут сказывалось и отсутствие влияния на их традиционный жизненный уклад исламской догматики, что особенно отличало «старокрещеных» от татар-мусульман.

Во многом это сказывается и сейчас на самоидентичности и духовных традициях потомков «старокрещеных». К примеру, представители старшего поколения жителей Кряш-Серды и сейчас нередко называют себя «чиста кряшен» (чистый кряшен(ка))⁹. В прошлом этот эпитет применялся к кряшенам, сохраняющим приверженность своим языческим верованиям и обрядам. Отметим, что в Кряш-Серде до сих пор совершают моление «*курбан буткасы*», отмечают Нардуган (праздник, близкий к русским святочным играм, проводившийся в период между Рождеством и Крещением), что говорит о большой степени сохранности дохристианских традиций и их воспроизводстве в настоящее время. При этом сезонные летние моления («*курбан буткасы*»), сопровождающиеся ныне христианской атрибутикой (иконы, кресты), воспринимаются местным населением как сугубо «свои», «христианские».

В этой связи следует отметить, что в постсоветский период религиозная и, соответственно, во многом культурно-бытовая отличительность кряшен от татар-мусульман во многом стала причиной и своеобразным символическим ресурсом для требования ряда кряшенских организаций признания за кряшенами статуса отдельного народа. В частности, появилась точка зрения, согласно которой предки кряшен были христианами уже в Средние века. Об этом немало написано в сочинениях журналиста и историка-энтузиаста М. Глухова, пытавшегося связать историю кряшен с племенем кераитов, существовавшим в XIII столетии и, возможно, исповедовавшим христианство несторианского толка¹⁰. Подобного рода изыскания, по-видимому, подхваченные некоторыми из активистов кряшенского движения, должны были служить цели добиться признания кряшен как отдельного народа, имеющего свою особую историю и культуру, со стороны российского общества и государства. Надо сказать, что представители локальной группы кайбицких (молькеевских) кряшен оставались в стороне от названных процессов «этнического возрождения» и в их среде не наблюдалось и не наблюдается какого-либо активного движения за свое национально-культурное самоопределение в качестве особого этнического сообщества, обладающего собственной идентичностью.

В настоящей статье наше внимание будет сосредоточено на проблеме взаимодействия этнической и религиозной идентичности у представителей кряшенского населения РТ на примере двух различных этнографических групп кряшен: зака-

⁸ Исаков 2014, 66, 67.

⁹ ПМА 2006, РТ, Пестречинский р-н, с. Кряш-Серда.

¹⁰ Глухов-Ногайбек 1993, 195–210.

занской (на примере кряшен Пестречинского района) и молькеевской (Кайбицкий район). Кроме того, будет рассмотрен вопрос о роли религиозного фактора во взаимодействии кряшен с соседними этническими группами (татарами-мусульманами, чувашами, русскими).

Выводы, представленные в этой статье, основываются главным образом на полевых материалах автора, собранных путем анкетного опроса во время экспедиционных выездов 2005 и 2006 гг. Исследовательская работа велась в селениях Кряш-Серда, Янцеваы, Кибячи, деревнях Толкияз, Колкомерка Пестречинского района и населенных пунктах Кайбицкого района: селах Молькеево, Старое Тябердино, Большое Тябердино, деревнях Баймурзино, Янсурино (официально – село Янсуриновское) и селе Хозесаново. Все перечисленные населенные пункты в этническом отношении практически однородны. Во всех них кряшены составляют абсолютное большинство. Прежде всего, это относится к Пестречинскому району. В районе проживания молькеевских кряшен имеется заметный чувашский этнический компонент. В настоящее время по-прежнему наблюдается процесс ассимиляции представителей чувашского народа в местной «крещено-татарской» среде (преимущественно благодаря этнически смешанным бракам). Как правило, в данном случае уроженцы кряшенских сел берут в жены чувашек. Как свидетельствуют мои собственные полевые наблюдения, в этом случае нередко смена последними своей чувашской этнической идентичности на кряшенскую¹¹. Есть и примеры смешанных браков между татарами-мусульманами и кряшенами (опять же, муж – кряшен, жена – татарка-мусульманка)¹². В некоторых подобных случаях имеет место даже смена религии и, соответственно, переход в православие (когда женщина татарско-мусульманского происхождения, выходя замуж за местного, становится православной под влиянием изменившейся этноконфессиональной среды).

Молькеевские кряшены, как уже упоминалось, соседствуют с чувашами, также православными по вероисповеданию. Так, в соседнем с Хозесаново этнически смешанном селе Турминское есть православная церковь, где регулярно ведутся службы, в том числе на «кряшенско-татарском» (церковный вариант языка кряшен), а также на чувашском языках. От жителей некоторых других «крещено-татарских» сел Кайбицкого района можно услышать, что, мол, хозесановское население отличается большей религиозностью по сравнению с ними самими. В свою очередь, некоторые уроженцы Хозесаново отзываются о религиозной ситуации в своем селе в таком духе: «У нас тут вообще мало, кто особо верующий; это если только заболит или, скажем, уже совсем в старости – тогда да, будет все это исполнять, как церковь указывает»¹³. Кроме того, ни в одном из кряшенских сел Кайбицкого района сейчас нет постоянно действующей церкви.

По словам кряшенского православного священника о. Дмитрия (Сизова), в селе Хозесаново еще в середине XX в. имелась небольшая группа «кряшен-мусульман», «совмещавших» ислам с некоторыми «чувашскими» языческими верованиями. В настоящее время их потомки, из числа молодого или среднего поколения, под влиянием православного большинства стали принимать крещение.

¹¹ ПМА 2006, РТ, Кайбицкий р-н, с. Большое Тябердино.

¹² ПМА 2006, РТ, Кайбицкий р-н, с. Молькеево.

¹³ ПМА 2005, РТ, Кайбицкий р-н, с. Хозесаново.

Особое своеобразие этнокультурному облику «крещено-татарских» деревень Кайбицкого района придает издавна проживающая в селе Старое Тябердино небольшая группа кряшен-язычников, «некрещеных кряшен», происхождение которой до сих пор остается неясным и во многом загадочным¹⁴. Также до конца не ясны и истоки их верований. Кроме того, кряшены-язычники есть и в соседнем селении Камылово (выселок из Старого Тябердино).

Что касается кряшенского населения Пестречинского района, то здесь ситуация с церковными приходами несколько иная. Существует мнение, что кряшены Пестречинского района в целом считаются не столь религиозными по сравнению с кряшенами Нижнекамского или Мамадышского районов. Между тем, постоянно действующая церковь в честь Святителя Николая (служба на «татарско-кряшенском» языке), открывшаяся в 2006 г., ныне есть в Кряш-Серде. Когда еще не была построена церковь в Кряш-Серде, верующим из близлежащих кряшенских сел в случае известной необходимости (основные православные праздники, обряды, таинства) приходилось ездить в Казань, где находится главный кряшенский церковный приход, храм в честь Тихвинской иконы Божьей Матери (в просторечье Тихвинская церковь).

С целью изучения особенностей этнического и религиозного самосознания кряшенского населения двух названных этнографических групп нами был предпринят анкетный опрос в перечисленных выше селениях Кайбицкого и Пестречинского районов РТ. Всего в обоих районах было опрошено 180 человек в возрасте от 18-ти лет, постоянно либо временно проживающих в данных населенных пунктах. В частности, были предложены вопросы об их отношении к религии, этническом самосознании, посещении церкви и пр.

Примечательно, что большинство из опрошенных (78% из всей совокупности участвовавших в опросе) мною респондентов назвали себя, так или иначе, верующими людьми. При этом среди кряшен пестречинской группы верующих оказалось несколько больше (85% от всех опрошенных в Пестречинском районе), чем среди кряшен молькеевской группы (72% от всех опрошенных в Кайбицком районе). Колеблющихся от общего числа – 8,5%; в первой группе – 5%, во второй – 12%. Во второй (молькеевской) группе было на 6,5% больше безразличных к религии и на 3,5% больше неверующих. В то же время 94% из всех опрошенных причислили себя к православным (приблизительно одинаковая доля в обеих группах). Можно предположить, что подобная ситуация отражает роль религии как, прежде всего, маркера этнокультурной принадлежности представителей кряшенского сообщества, отличающего их от татар-мусульман. Несколько человек из опрошенных нами назвали себя просто «христианами» и верующими по-своему. Мусульманином назвал себя лишь один человек из числа молькеевской группы.

Таким образом, конфессиональная («православная») идентичность у подавляющего большинства представителей обеих исследуемых групп прослеживается со всей очевидностью, несмотря на то, что принадлежность к «православию» в этом случае не всегда соответствует причислению себя к категории верующих людей. Те же, кто предпочитали называть себя просто «христианами», все равно считали, к примеру, необходимым держать дома в красном углу православные иконы.

¹⁴ Исхаков 1993, 5.

«Без икон нельзя, грех», – поясняли они¹⁵. К тому же все кряшенское население рассматриваемых районов отмечает одни и те же православные праздники (Пасха, Рождество, Троица, Петров день), независимо от уровня религиозности и личного отношения к религии. Т.е. все это стало органической частью этнокультурной традиции кряшенского населения и прочно укоренилось в его образе жизни. Между тем, среди представителей двух рассматриваемых этнографических групп кряшен религиозное самосознание по-разному соотносится с этнической идентичностью, что будет проиллюстрировано ниже.

Характерно, что большинство пестречинских кряшен выбрали для себя непосредственно кряшенскую идентичность (72%), то есть назвали себя именно кряшенами «по национальности», а из молькеевских кряшен таких было только 16%. Большинство из них предпочли назваться «татарами» или «крещеными татарами» (45,5%). Но здесь нельзя не учитывать того факта, что выбор респондентом «кряшенской национальности» может в то же время сочетаться с другими идентичностями (скажем, татарской).

Большинство пестречинских кряшен заявило, что кряшены ближе к русским, чем к другим народам (84%); среди молькеевских кряшен согласных с этим утверждением оказалось 62%. Очевидно, что здесь играет роль именно близость вероисповедания, а, кроме того, особенности расселения и соседства пестречинских кряшен. Нельзя забывать и о том, что среди кряшен Пестречинского района процент верующих людей все-таки оказался большим, равно как и процент регулярно посещающих церковь и знающих некоторые православные молитвы (это будет проиллюстрировано ниже), а ведь именно православие, нередко называемое здесь «русской верой», было названо главной чертой, сближающей кряшен с русскими. Для молькеевских кряшен, в свою очередь, играет большую роль близкое соседство с чувашами, родственные связи с ними, память о чувашских предках. Впрочем, как уже говорилось, высокий процент выбора русских как наиболее «близкого» этноса характерен для обеих групп. Важными факторами такого выбора, судя по всему, выступают конфессиональная принадлежность (86% среди представителей пестречинской и 82% среди представителей молькеевской группы заявили, что с русскими их роднит, прежде всего, религия), в наибольшей степени сближающая кряшен с русскими, и ориентация на русский язык многих респондентов. При этом было замечено (на уровне выявленной в ходе обработки анкетных данных статистической связи), что та точка зрения, согласно которой с русскими кряшен больше всего сближает именно религия, была больше всего характерна для лиц женского пола.

Между тем, уровень знания основных молитв и частота посещения церкви, согласно данным опроса, оказались весьма невысокими. Во-первых, что касается посещения церкви, то из пестречинских кряшен около 7% постоянно посещают церковь (каждое воскресенье и по главным праздникам), среди молькеевских – только 1%. С другой стороны, среди молькеевских кряшен оказалось больше тех, кто посещает церковь только по основным праздникам (24%), что объясняется близостью расположения церкви. Среди пестречинских кряшен таких оказалось только около 10%. Впрочем, тех, кто посещает церковь нерегулярно, как придется,

¹⁵ ПМА 2005, РТ, Кайбицкий р-н, с. Хозесаново.

оказалось, опять же, больше среди пестречинских кряшен (57%); среди молькеевских – только 46%. По всей видимости, это связано с тем, что как раз в 2006 г. в селе Кряш-Серда была построена постоянно действующая церковь, благодаря чему посещать храм для многих здешних прихожан стало значительно проще.

Респондентам был задан вопрос о знании ими православных молитв. В результате оказалось, что 52% из всех опрошенных не знали наизусть никаких православных молитв, а около 27% из общей совокупности знали некоторые молитвы не полностью, причем среди пестречинских таких было на 11% больше. Еще 2% от общей совокупности заявили, что если и молятся, то «по-своему». Кроме того, обработка данных нашего опроса показала наличие заметной связи между знанием молитв респондентами и их полом: в целом, женщины знают молитвы лучше, чем мужчины.

Основным языком чтения молитв у пестречинских кряшен был назван именно «кряшенский» (43%), и лишь около 5% молькеевских назвали таковым свой язык молитвы. Для последних таковым языком выступает именно «татарский» (54%). Некоторое количество опрошенных (около 27%) из молькеевской группы употребляют в этом случае, по их словам, как «русский и татарский», так и «русский и кряшенский» (видимо, различия между татарским и «кряшенским» языком не проводится). В пестречинской группе сходное восприятие языка молитвы было отмечено у 7%. Русский в качестве основного языка молитв назвало примерно равное количество людей из обеих групп (около 15%). Таким образом, на этом примере мы ясно видим, что само восприятие языка, употребляемого для молитвы, сильно различается у верующих людей из двух исследуемых этнографических групп. Наибольший процент назвавших свой язык «кряшенским» среди пестречинских кряшен говорит о выраженном этническом самосознании, проявляющемся и через религиозную жизнь.

Соблюдающих регулярно посты из обеих групп в целом оказалось только 2%, соблюдающих отчасти – уже более 20%. Причем здесь нами отмечается связь соблюдения (отчасти) постов респондентами с их полом. В основном, соблюдение постов распространено среди женской половины населения кряшенских селений обеих групп. Всего 77% от всех опрошенных нами, по их словам, никаких постов не соблюдали вообще. В обеих рассматриваемых группах таковых оказалось примерно одинаковое количество (соответственно 74 и 80%). Что касается соблюдения постов членами семей респондентов, то и здесь процентное соотношение оказалось примерно таким же. Так, к примеру, только 3% из всей совокупности респондентов заявили о соблюдении «всех» православных постов членами своих семейств. В остальном, все здесь выглядело совершенно аналогично вышеприведенным цифрам.

Кроме того, в пестречинской группе, согласно данным опроса, в религиозном обиходе большее предпочтение отдается церковной литературе на «кряшенском» языке (53%). Всего же, следует здесь отметить, имеется подобная литература дома у 45% опрошенных из обеих групп. При этом среди молькеевских кряшен отдается равное предпочтение как церковной литературе на русском языке (38%), так и аналогичной литературе на «кряшенском» (те же 38%). Среди пестречинских кряшен, согласно данным опроса, лишь около 25% пользуются религиозной литературой на русском языке.

Языком православного богослужения регулярно посещаемого церковного прихода для 77% кряшен Пестречинского р-на является только «татарский» или, по их словам, «кряшенский». Меньшее количество (16%) посещает приход со службой на русском языке. Всего 7% сказали, что ходят в церкви со службой как на татарском, так и на русском языках. Среди молькеевских такой приход, где идет служба только на «татарском» («крещенском»), посещает лишь 5% опрошенных. Еще 15% из числа молькеевских кряшен назвали языком своего церковного прихода «крещенско-татарский» в сочетании с чувашским и русским. Еще больше (20%) в этой группе было тех, для кого языком церковной службы был исключительно русский язык. Больше половины (54%) в молькеевской группе посещали приход только с чувашским и русским языком. И только 6% – исключительно с чувашским. То, что большинство представителей молькеевской группы отметили одновременно русский и чувашский языки церковной службы, говорит лишь о том, что большинство верующих из их числа посещает церковь в близлежащем селе Турминское. В здешней церкви служба ведется и на чувашском, и на «русском», а иногда и на «кряшенском» языках. К тому же, судя по общему настрою респондентов-кряшен из Кайбицкого района, для них не столь уж важно, на каком именно языке ведется служба в посещаемом ими церковном приходе. Русский (в данном случае скорее церковно-славянский) и чувашский языки воспринимаются как одинаково приемлемые наравне с родным татарским языком.

Довольно высок процент высказавшихся за открытие кряшенского церковного прихода в обеих группах – почти 91%, причем среди пестречинской группы – 95%, в молькеевской – 87%.

Показательными оказались данные, выявленные в ходе опроса по поводу отношения респондентов к браку их близких родственников с людьми другого (некряшенского) этнического происхождения. Характерно, что против браков с татарами-мусульманами высказались 14% в обеих группах, что оказалось наиболее высоким количественным показателем в этом случае, поскольку процент отрицательно отнесшихся к браку с представителями других национальностей был явно ниже. Между тем, тех, кто в этом случае предпочел бы человека другой («нетатарской») национальности, хотя и не стал бы возражать против подобного выбора родственников, оказалось больше среди пестречинских кряшен (21% против среди 5% молькеевцев). Вполне возможно, что и здесь играет роль прежде всего фактор конфессионального различия между «крещенами» и татарами-мусульманами. Показательно на этом фоне, что против браков с русскими высказались только 2% из всех опрошенных. Несколько больше, причем именно из числа молькеевских кряшен, высказались против браков своих родственников с чувашами (9%) – поясним, что этот вопрос был адресован только кряшенам Кайбицкого района.

Очевидно, что причина подобного процентного соотношения коренится именно в конфессиональном различии между кряшенами и татарами-мусульманами. По-видимому, различие религиозного характера оказывается в данном случае решающим (несмотря на языковую общность кряшен и татар-мусульман). При этом около 2% из пестречинской группы заявили, что к бракам с русскими относятся особенно хорошо (несмотря на разницу в языке). Впрочем, несмотря ни на что большинство (около 70%) из всех опрошенных отметили, что национальность при заключении брака значения не имеет.

В целом, следует сделать вывод, что на материале данного опроса и полученных количественных результатов мы можем выявить взаимосвязь между религиозным самосознанием и этнической идентичностью у представителей двух этнографических групп кряшен. Во-первых, среди кряшен Пестречинского р-на более высокий уровень проявления религиозности соответствует выраженному кряшенскому этническому самосознанию. Очевидно, что по этой же причине подавляющее число респондентов из пестречинской группы назвали русских в качестве наиболее близкого к кряшенам народа (84%). Между тем, почти половина (50%) из упомянутой группы назвала также и татар в числе наиболее близких к кряшенам народов. Главной причиной тому, как неоднократно поясняли сами респонденты, является общность языка у кряшен и татар-мусульман. Об этом, в частности, заявили 84% опрошенных из группы пестречинских кряшен. Главной же культурной чертой, сближающей кряшен с русскими, как и ожидалось, было названо общее вероисповедание (86% от всех опрошенных первой группы).

Кроме того, некоторая часть всех опрошенных из пестречинской группы в качестве наиболее близких к кряшенам национальностей, наряду с русскими и татарами, назвали также чувашей (10%) и удмуртов (около 1%). По всей видимости, здесь опять же сказывается единство религии, а также сходство многих народных традиций и обычаев у тех, и других. «Мы кряшены у всех понемногу что-то берем», – так объясняли нам некоторые из жителей Кряш-Серды¹⁶.

Для молькеевских кряшен русские и чувашаи оказались примерно на одном уровне близости по отношению к ним («крещеным») (соответственно 62% и 56%). Здесь, очевидно, играют роль родственные связи с чувашами и близкое соседство с ними. Иная картина у кряшен пестречинской группы объясняется этническими особенностями района расселения (исключительно русско-татарское окружение). Что же касается русских, то здесь главную роль, по всей видимости, сыграла близость религии. Почти, как и в первом случае, 83% опрошенных из Кайбицкого района заявили, что с русскими их сближает именно религия. Кроме того, главным фактором, сближающим их с чувашами, местные жители «крещено-татарского» происхождения опять же назвали религию (74% от всех опрошенных из молькеевской группы).

Таким образом, мы видим, что в обоих случаях выбор наиболее «близкой» (в культурном и этническом плане) национальности зависит от конфессионального фактора, который одинаково действовал как у первой (в отношении русских), так и у второй (в отношении как русских, так и чувашей) группы. Главным сближающим признаком в отношении татар-мусульман применительно к обеим этнографическим группам кряшен оказалась общность языка.

Явная двойственность и некоторая размытость этнического самосознания у представителей молькеевской группы объясняется, в том числе, и историческими причинами, о которых упоминалось выше. Здесь играет роль и память о мусульманских предках, о чувашских предках, так же, как и нынешние, широко бытующие, родственные связи с соседним чувашским населением. По словам одного из респондентов (с. Молькеево), в прошлом у многих местных жителей были «домашние» мусульманские имена (к примеру, Акрам), о которых не распространя-

¹⁶ ПМА 2005, РТ, Пестречинский р-н, с. Кряш-Серда.

лись среди чужаков¹⁷. До сих пор в ряде местных сел почитаются старые мусульманские кладбища (села Хозесаново, Ст. Тябердино).

В то же время жители Молькеево могут показать специально огороженный участок земли на перекрестке двух сельских улиц, где в прежние времена стояла православная церковь¹⁸. Среди самих молькеевских кряшен определенное распространение ныне получила версия о принятии их предками крещения «от Ивана Грозного», что особенно парадоксально с исторической точки зрения, поскольку хорошо известно, что предки молькеевских кряшен относились к числу «новокрещенных» (т.е. крестившихся и принявших православие уже в XVIII в.). В свою очередь, для кряшен Заказанья (если говорить о более-менее активно интересующихся историей своего народа), напротив, более характерно представление о древних истоках формирования «кряшенского этноса», «изначально» исповедовавшего христианство. С другой стороны, от представителей молькеевской группы можно услышать высказывание такого рода: «Мы просто привыкли к православной вере, и какой смысл все это менять» (с. Молькеево). Или же считают, даже памятуя о своих мусульманских предках, что в нынешнем религиозном окружении надо придерживаться той религии, «в которую здесь все верят» (слова жителя средних лет из села Хозесаново)¹⁹.

Попытаемся подвести итоги и сделать выводы из приведенных здесь сведений и материалов. Главной проблемой, которая здесь рассматривалась, было взаимодействие религиозного и этнического компонентов этнокультурной идентичности кряшенского населения двух указанных районов РТ. Анализ данной проблемы проводился на основе данных, полученных в ходе анкетного опроса, непосредственных наблюдений, отчасти и углубленных интервью. Основным выводом здесь можно считать то, что для этнической идентичности представителей двух рассматриваемых этнографических групп кряшен фактор религиозной принадлежности имеет неодинаковое значение. В двух разных этнокультурных контекстах сама религиозная идентичность по-разному проявляет себя, хотя речь и идет о двух близкородственных группах, формально принадлежащих к одной этноконфессиональной общности. Это я и попытаюсь проиллюстрировать ниже.

Начнем с того тезиса, что если в случае с кряшенами пестречинской группы (как, по-видимому, и в случае с другими группами кряшен Заказанья) большая укорененность в религиозной традиции, как правило, сопутствует выраженному кряшенскому этническому самосознанию, то в случае с молькеевской группой фактор религиозной принадлежности действует по-другому. В среде пестречинских кряшен, судя по нашим опросам и подсчетам, наблюдается тенденция к усилению выраженности особого этнического самосознания в зависимости от уровня религиозности. По всей видимости, для людей более религиозных, как правило, характерна и более четкая «кряшенская» этническая (или этноконфессиональная) идентичность. Об этой закономерности я могу судить на основании собственных общих полевых наблюдений во время полевых выездов в Республику Татарстан в 2001 г., 2005 г., 2006 г. и 2016 г. К тому же нельзя забывать и о влиянии представителей православного духовенства кряшенского происхождения на подопечную

¹⁷ ПМА 2005, РТ, Кайбицкий р-н, с. Молькеево.

¹⁸ ПМА 2006, РТ, Кайбицкий р-н, с. Молькеево.

¹⁹ ПМА 2005, РТ, Кайбицкий р-н, с. Хозесаново.

им паству, преимущественно состоящую из единоплеменников. Огромную роль в деле возрождения в Татарстане кряшенских приходов и общем оживлении религиозной жизни в среде кряшен сыграл о. Павел (Павлов), настоятель Тихвинской церкви в Казани. Кряшенскую духовную миссию при Казанской епархии сейчас возглавляет о. Дмитрий (Сизов), родом из чистопольских кряшен, ведущий службу в церкви села Кряш-Серда.

Надо сказать, что к тому же выводу приходит на страницах своей монографии «Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России» этнолог-религиовед О.Е. Казьмина, указывая на наличие четкого особого этнического самосознания у кряшен Заказанья, сильнее всего выраженного у более религиозных представителей кряшенского народа²⁰. В данном случае О.Е. Казьмина ссылается на данные полевого опроса кряшенского населения РТ во время экспедиции кафедры этнологии МГУ 2001 г. Поскольку мне самому довелось принимать участие в указанной экспедиции, приведу здесь в качестве сравнительных данных некоторые результаты собственных этнографических наблюдений в кряшенских деревнях Мамадышского, Тукаевского, Нижнекамского районов РТ. Так, к примеру, отличающееся особой религиозностью население села Большие Аты (именно здесь был открыт один из первых кряшенских приходов уже в постсоветское время) также продемонстрировало сильную приверженность к идее «кряшенства» и своей этнокультурной самобытности. Все местные жители из числа опрошенных нами назвали себя кряшенами «по национальности», и никак иначе²¹. Подобного рода тенденция была отмечена нами и в других кряшенских селениях указанных районов. Православная религия и соответствующие ей бытовые традиции и обряды, как правило, осознавались респондентами кряшенского происхождения как главная культурная черта, отличающая их от остального татароязычного (преимущественно мусульманского) населения.

Весьма показательно, что, несмотря на примерно один и тот же процент (в обеих рассматриваемых здесь этнографических группах) лиц, назвавших себя «православными», собственно «верующих» среди пестречинских кряшен оказалось заметно больше, как это было показано выше. Кроме того, количество постоянно посещающих церковь среди пестречинских кряшен оказалось больше в процентном отношении, чем среди молькеевских. Также в первой группе было больше соблюдающих посты и заметно больше предпочитающих церковную литературу на «кряшенском языке». Последняя особенность еще не свидетельствует об уровне религиозности как таковом, но доказывает укорененность в своей этноконфессиональной традиции и предпочтение «своего» языка (т.е. налицо тенденция называть свой родной татарский язык «кряшенским»).

Немаловажно отметить, что более религиозные люди, по моим наблюдениям, были более отрицательно настроены по отношению к бракам своих родственников с татарами-мусульманами. Следовательно, здесь прослеживается определенная зависимость брачных предпочтений от фактора религиозных различий между кряшенами и татарами-мусульманами. В то же время насчет возможных браков своих родственников с русскими некоторые респонденты из первой группы отзывались особенно положительно. Здесь опять же речь идет о более религиозных

²⁰ Казьмина 2009, 153.

²¹ ПМА 2001, РТ, Нижнекамский р-н, с. Большие Аты.

людях, причем преимущественно пожилого возраста. По-видимому, для придерживающихся православной традиции кряшен становится актуальным представление о себе как о народе, наиболее близком к русским (благодаря общности религии), но со своим, «кряшенским», языком и некоторыми своеобразными обычаями. Нельзя не учитывать и то, что в сознании кряшенского населения (особенно людей пожилого возраста) закрепилось представление, что татары – это непременно мусульмане, в отличие от православных кряшен. В свою очередь русские воспринимаются как народ одного с кряшенами вероисповедания и по этой причине более близкий к ним.

В свою очередь, для людей не особенно религиозных, но считающих себя патриотами своего (кряшенского) народа, доказывающих его древность, самобытность и т.п. может быть характерна тенденция все больше осознавать себя православными. Но в данном случае религиозная принадлежность будет лишь важным компонентом этнокультурной идентичности, в той или иной степени сближающей индивида с другими представителями своего народа. Такого рода процесс не может не способствовать стремлению многих представителей кряшенского сообщества к этническому самоопределению в качестве отдельного от татар народа с особой традиционной культурой, в значительной степени определяемой православием.

Специфика проявления этноконфессиональной идентичности молькеевских кряшен заключается в совсем ином характере связи между религиозным и, собственно, этническим самосознанием представителей названной локальной группы. Первый вывод, достаточно осторожный, – это отсутствие явной взаимосвязи между уровнем религиозности и этнической идентичностью (т.е. в данном случае известная православная набожность не определяет большую выраженность особого этнического самосознания); второй вывод – православное вероисповедание в данном случае только отделяет молькеевских кряшен от татарско-мусульманской этнической общности, но не способствует формированию специфической, определенно выраженной «кряшенской» идентичности. Религиозная отличительность молькеевской группы кряшен на фоне основного татарского этнолингвистического массива, по-видимому, способствует только ее внутреннему обособлению, но не сближает с остальными кряшенами РТ. Здесь, в частности, подразумевается тенденция к определенной консолидации на основе общей этнокультурной и религиозной идентичности, условно обозначаемой как «кряшенство».

Можно предположить, что причиной тому являются сохранившиеся воспоминания о мусульманском прошлом (об этом напоминают старые мусульманские кладбища на территории селений, запечатлевшаяся в местном фольклоре память о сельских мечетях), являющиеся одной из основных исторических причин сравнительно слабой и неопределенной выраженности у молькеевских кряшен специфического кряшенского этноконфессионального самосознания. Определенную роль здесь, вероятно, сыграл также чувашский этнический компонент и сильное влияние чувашских народных верований, обусловленные тесным соседством с чувашами. Очевидно и то, что вышеприведенные факторы опосредованно оказывают влияние на отношение представителей молькеевской группы к современному кряшенскому движению в целом. Явная индифферентность молькеевских кря-

шен в вопросе об этническом самоопределении кряшен Татарстана определяется названной неопределенностью и размытостью их этнической идентичности, обусловливаемой особенностью формирования их локального сообщества. Особую роль здесь играет описанный выше характер исторической памяти (которая может иметь в большей или меньшей степени осознанный характер) представителей местных сельских сообществ. Свою роль здесь играет и территориальная обособленность от других локальных групп кряшен, проживание в татарско-чувашском регионально-этническом пограничье.

Более того, в среде молькеевских кряшен мне приходилось даже сталкиваться с каким-то настроженным отношением к выраженным проявлениям последовательной религиозности (или иначе православной воцерковленности). «Здесь если будешь, скажем, посты все соблюдать, в церковь ходить, как полагается часто, то остальные решат: это, мол, очень грешная женщина, раз все в церковь ходит и молится», – так отзывалась об этой ситуации одна жительница средних лет из Старого Тябердина²². Не могу со всей точностью сказать, характерно ли подобное отношение к «церковной» религиозности для жителей остальных кряшенских селений Кайбицкого района. Но, по-видимому, весьма небольшой процент (меньший, чем в пестречинской группе) более или менее «воцерковленных» уже говорит сам за себя.

Возможно, слабая связь между православным вероисповеданием и этнической самоидентификацией (в данном случае довольно размытой) объясняется исторически наблюдавшейся конфессиональной неустойчивостью в этом районе татарско-чувашского пограничья. Подобная неустойчивость, видимо, связана с наличием перечисленных выше этнокультурных факторов: смена мусульманства, с одной стороны, а с другой стороны чувашского язычества православным христианством, соответственно, татарскими и чувашскими предками молькеевских кряшен. Таким образом, влияние исторической и родовой памяти на этническую и конфессиональную идентичность в настоящем контексте остается важным и актуальным вопросом.

Совсем другого рода ситуация у кряшен пестречинской группы. Можно с осторожностью предположить, что именно органическое наслоение христианства на старые верования способствовало формированию у представителей рассматриваемой группы устойчивого этноконфессионального кряшенского самосознания. Немаловажно и то, что в данной этнокультурной среде (кряшенские селения Пестречинского р-на) какие-либо следы исламского влияния практически не прослеживаются.

Этнологии как науке давно известно, какое огромное влияние оказывает та или иная религия на образ жизни исповедующих ее групп людей (в том числе и этнических групп). Это влияние отражается как на бытовом укладе, так и, в наибольшей степени, на этнокультурной идентичности и самоидентификации носителей какой-либо конкретной религиозной традиции. Например, говоря здесь о кряшенской тематике, следует отметить тот факт, что именно православное вероисповедание резкой чертой отделило кряшен от татар-мусульман. Это разделение выразилось в этнокультурном облике кряшенского населения, включая как быто-

²² ПМА 2006, РТ, Кайбицкий р-н, с. Старое Тябердино.

вую культуру, так и их групповую самоидентификацию, не говоря уже о духовных воззрениях. В то же время несомненно, что в XX в. произошли коренные изменения в жизни народов нашей страны, коснувшиеся в равной степени как татар-мусульман, так и кряшен. Хорошо известно, что эти изменения способствовали стиранию многих культурных барьеров и различий в бытовом укладе, связанных с религиозной традицией. Кроме того, общая секуляризация всей сферы культуры также была налицо. При этом данный процесс одинаково касался как мусульманских, так и православных общин Татарстана.

С другой стороны, в постсоветские годы, когда наблюдалось довольно быстрое возвращение религии в различные сферы общественной жизни, вновь актуализировалась и религиозная идентичность, а также ее связь с этническим самосознанием. Этот факт, в частности, подтверждается данными наших анкетных опросов и общими этнографическими наблюдениями в среде кряшенского населения из разных районов республики Татарстан. При этом сама религиозная идентичность не всегда связана с уровнем религиозности как таковой, а определяется во многом фактором этнокультурной принадлежности (т.е. в данном случае тем, что можно условно назвать «кряшенством»). Тем не менее характер и особенности проявления этнокультурной принадлежности могут существенно варьироваться в пределах одной (что в данном случае, скорее, условно) этноконфессиональной группы. Данный фактор оказывает влияние и на специфику религиозной идентичности, в двух рассматриваемых здесь случаях по-разному взаимодействующей с этнической идентичностью представителей интересующих нас этнографических групп кряшен.

Между тем, упомянутые коренные изменения, произошедшие в советский период нашей истории, плюс длительный опыт мирного совместного сосуществования разных народов, исповедующих разные религии, на территории Среднего Поволжья способствовали формированию вполне толерантных и добрососедских взаимоотношений между представителями местных этнических сообществ. Видимо, благодаря этому и в постсоветский период истории здесь не наблюдалось какого-либо открытого межэтнического или межрелигиозного противостояния. Реальную опасность для межнациональных отношений в регионе, чему свидетельством в Татарстане стали недавние поджоги православных церквей, сейчас представляет радикальный исламизм, чьи адепты пытаются посеять вражду и взаимное недоверие между последователями ислама и христианами. При этом особую неприязнь у них, по-видимому, вызывает православное христианство, утвердившееся в среде кряшен, народа татароязычного, но исповедующего иную религию, чем преобладающее большинство татар.

Учитывая все вышеприведенные данные, можно предположить, что в перспективе процессы этнического самоопределения и самоидентификации будут проходить у представителей молькеевской и заказанской групп кряшен неодинаково. Для первых характерно индифферентное отношение к проблемам кряшенского самоопределения и оторванность от современного кряшенского движения в целом, общее принятие «крещено-татарской» (или просто татарской) идентичности. И эта ситуация в ближайшем будущем, по-видимому, не претерпит заметных изменений. В свою очередь среди заказанских кряшен сейчас можно отметить скорее рост этнического самосознания, выражающегося и через особый этноним

(кряшен(ка)). Это подтверждается данными нашего анкетного опроса, согласно которому подавляющее большинство опрошенных пестречинской (заказанской) группы назвали себя кряшенами «по национальности». При этом отмечается значительная роль религиозного фактора в тех этнических процессах, которые наблюдаются в среде кряшен заказанской группы.

ЛИТЕРАТУРА

- Баязитова, Ф.С. 1986: *Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении*. М.
 Исхаков, Д.М. 1993: Молькеевские кряшены: проблемы формирования. В сб.: Д.М. Исхаков (ред.), *Молькеевские кряшены: Сборник статей*. Казань, 4–18
 Исхаков, Р. 2014: *Очерки истории традиционной культуры и религиозности татар-кряшен (XIX – начала XX вв.)*. Казань.
 Казьмина, О.Е. 2009: *Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России*. М.
 Износков, И.А. 1893: *Материалы для истории христианского просвещения инородцев Казанского края*. Вып.2. М.
 Соколовский, С. В. 2004: *Кряшены во всероссийской переписи населения 2002 года*. М.

REFERENCES

- Bayazitova, F.S. 1986: *Govory tatar-kryashen v sravnitel'nom osveshenii* [*Dialects of the Tatar-Kryashens: the comparative analysis*]. Moscow.
 Iskhakov, D.M. 1993: Molkeevskie kryasheny: problemy formirovaniya [Molkeevskiy Kryashens. Problem of ethnic forming]. In: D.M. Iskhakov (ed.), *Molkeevskie kryasheny: Sbornik statey* [Molkeevskiy Kryashens. Collected articles]. Kazan, 4–18
 Iskhakov, R. 2014: *Ocherky istorii traditsionnoy kultury i narodnoy religioznosti tatar-kryashen (XIX – nachala XX vv.)* [*Tradition culture and folk religiousness of the Tatar-Kryashens. Historical essays (from the 19th to beginning of the 20th century)*]. Kazan.
 Kazmina, O.E. 2009: *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov e novaya religioznaya situatsia v Rossii* [*Russian Orthodox Church and recent religious situation in Russia*]. Moscow.
 Iznoskov, I.A. 1893: *Materialy dlya istorii khristyanskogo prosvescheniya inorodtsev Kazanskogo kraja*. [Materials on hisrorical research of Christian education of native peoples of Kazan Province]. Vip. 2. Moscow.
 Sokolovskiy, S.V. 2004: *Kryasheni vo vserossyskoy perepisi 2002 goda* [*The Kryashens in 2002 Russian general census of population*]. Moscow.

THE KRYASHENS OF TATARSTAN: RELIGION AND PROBLEM OF ETHNIC SELF-DETERMINATION

Ivan V. Sevastyanov

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
 rushd-al@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of interaction and interrelation between ethnic and confessional identity of the Kryashens, a Turk-language ethno-confessional community of

Volga-Ural region. The Kryashens belong to Orthodox denomination, but speak Tatar language. The author examines two different local groups of the Kryashen ethnic community: Molkeevo and Zakazanskaya (outside-Kazan) groups. Every group has its own history of formation as well as specific ethno-confessional history that has influenced on their contemporary ethnic identity (ancestors of Mokeevo Kryashens belonged to “novokreshenye inorodzhi” (newly baptized Christian foreigners), ancestors of outside-Kazan Kryashens to “starokryashenye”).

The author analyzes the phenomena of contemporary identity of these two groups of the Kryashens and the interaction of ethnic and religion consciousness in their surroundings. The Kryashens of Zakazanskaya group have the distinct Kryashen ethnic identity that differ them from Molkeevo Kryashens, whose ethnic identity is very indeterminate. The confessional consciousness of Zakazanskaya Kryashens has a significant influence on their ethnic identity, that greatly hold on affiliation to Orthodox denomination.

In this article an attempt to forecast the subsequent development of further existence of ethnic and cultural identity of the Kryashens both local groups in Tatarstan is made and the influence of the general situation in the Republic in the sphere of inter-ethnic relations on this process is analyzed.

Keywords: the Kryashens, the Tatars, ethnic identity, religion consciousness, Orthodox Christianity, Islam

---
